

Выступления в свободной дискуссии

Абрахам Брумберг,
США

Советология и распад Советского Союза

В течение нескольких лет после распада Советского Союза советология, особенно — американская, стала предметом гневных нападок и острой критики как изнутри, т.е. со стороны самих советологов, так и извне. Возбудителем подобных нападок был именно распад Советского Союза. Точнее говоря, тот факт, что советологи не смогли предсказать его. Насколько мне известно, ни один специалист по вопросам советской истории, идеологии или политики не предвидел не только распада, но и процессов, которые могли привести к нему. Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев.

На это можно ответить, что советология никогда не претендовала на то, чтобы прогнозировать будущее. Ценность советологии, как и любой другой социальной или политической науки, заключается не в способности делать прогнозы. Предвидел ли кто-нибудь Гитлера или Холокост? Кто знал, что произойдет с миром после второй мировой войны? Кому могло присниться, что такая цивилизованная европейская страна, как Югославия, превратится в поле сражения, на котором одна нация будет пытаться физически уничтожить другую? Подобных примеров можно привести сколько угодно. Действительно, советология не предвидела дезинтеграции советского строя. Но в этом нет ничего странного. Советология — это не пророчество. Если советология не является строгой наукой, то это не значит, что она — раздел астрологии.

Дело не в том, предвидели ли советологи что-то или нет, а в том, хватило ли у них интеллектуального мужества и воображения предположить, что такой распад может быть одним из возможных путей будущего развития советской действительности. В конце концов, советологи немало спорили на тему: "Куда идет Россия?" Но допускал ли кто-нибудь из них хотя бы *возможность* тотальной дезинтеграции советской империи?

20 лет назад во время одной такой дискуссии профессор А. Даллин заметил, что, пожалуй, правильно будет сказать, что советологи не предвидели борьбы между Тито и Сталиным, возвышения и падения Хрущева, сталинизацию и т.п. Но, добавил он, конкретные

предсказания не являются функцией советологии. "На самом деле мы должны заботиться лишь о том, укладываются ли подобные развития событий в ту открытую картину, которую мы выдвигаем как возможную, на основании того, что мы раньше знали или предполагали".

По этому поводу следует отметить, что советологи не покрывали себя славой. Самое удивительное состояло в том, что нежелание советологов оперировать далеко идущими гипотезами ярче всего проявилось именно в самые последние годы существования Советского Союза, когда произошло гораздо больше неожиданных событий и возникло много новых феноменов, чем 30—40 лет назад. В самом деле, чем объяснить, например, что в 50—60-е годы, когда сталинизм был все еще достаточно крепок, в Соединенных Штатах господствовала теория тоталитаризма, а в правительственных кругах и прессе было распространено мнение, что об изменениях в коммунистических обществах, особенно о положительных изменениях, говорят только скрытые коммунисты или попутчики советского режима, именно *тогда* советологи были готовы к восприятию самых радикальных гипотез о будущем Советского Союза?

Приведу несколько примеров, с одной стороны, нашей интеллектуальной открытости, а с другой — интеллектуальной ограниченности. Первые, с вашего разрешения, беру из своего собственного профессорского опыта. Изменения, которые произошли в Советском Союзе сразу после смерти Сталина, еще до десталинизации, довольно многими советологами расценивались как существенные и положительные, несмотря на официальное мнение, бытовавшее тогда в Соединенных Штатах. Я писал об этом в журнале "Проблемы коммунизма", редактором которого тогда был и который издавался американским правительством. Теперь, 30—40 лет спустя, это может показаться мелочью, но тогда звучало еретически. В 1961 г., если я правильно помню, у нас в журнале была опубликована большая статья Дональда Загории о расколе между Москвой и Пекином. Казалось бы, статья предлагала далеко не однозначную интерпретацию. Но расхожее мнение состояло в том, что этот раскол является или фикцией, или преднамеренным обманом. Монолитный коммунизм каким был, таким и остался. Конечно, нельзя сравнивать цензуру эпохи маккартизма в Америке со сталинской цензурой. Но нельзя не признать, что в Соединенных Штатах чувствовалось определенное давление и многие пытались приспособиться к официальному доктринам.

30 лет спустя, в 1983 г., почти накануне перестройки, в Соединенных Штатах вышла книга "После Брежнева: что определит поведение Советского Союза в 1980-х годах"*. Это был коллективный труд выдающихся американских советологов, которые пытались ответить на вопрос: "Куда же будет двигаться Советский Союз в ближайшем будущем?" Следует отметить, что авторы придерживались разных взглядов и философских установок, но ни один не принадлежал к так называемым воинственным консерваторам, отстаивающим концепцию коммунизма как "космического зла". Тем не менее ни один из них не предвидел не только перестройки и фундамен-

* Byrnes R. Ed. After Brezhnev: Sourcer of Soviet Conduct in the late 1980's.

тальных изменений в Советском Союзе, но даже развивавшегося уже тогда крупного кризиса. Вот, например, как высказался профессор Колумбийского университета Северин Биалер: "В предстоящие годы Советский Союз может столкнуться с кризисом в руководстве и в экономике, но ни сейчас, ни, со всей вероятностью, в ближайшие десять лет он не столкнется со всеохватывающим кризисом, который будет угрожать его существованию. Советский Союз обладает гигантскими неиспользованными резервами политической и социальной стабильности". Редактор сборника профессор Роберт Берне отметил, что иммобильность (неповоротливость) и упрямство советской системы "предотвращают фундаментальные изменения", во всяком случае, в течение предстоящего десятилетия.

Возникает вопрос: почему наши ученые, особенно советологи, которые, в основном, не отрицали альтернативных путей развития, так не склонны были предположить возможность глубоких изменений в советском обществе?

Думаю, что это можно объяснить тремя причинами.

Во-первых, Советский Союз существовал тогда уже почти 70 лет. В течение столь долгого срока советская система, несомненно, менялась, но в фундаментальных аспектах оставалась той же самой. Прогнозы конца этой системы повторялись много раз: в 20-е годы, в 30-е и даже после второй мировой войны. Но все-таки Советский Союз пережил и коллективизацию, и индустриализацию, и голод 30-х годов, и чистки офицерского штаба, и войну. Вполне правомерно было предполагать, что эта система очень прочна. Трудно было вообразить, что этот строй, так или иначе, может закончить свое существование. Поэтому считалось нормальным изучать разные аспекты советского общества: и те, которые, присутствовали постоянно, и те, которые, как и в любой другой системе, изменялись. Вряд ли можно было бы объяснить огромное число институтов, журналов, научных симпозиумов, если предметом их изучения были лишь фальшивое сознание и фиктивная реальность.

Один из ведущих критиков советологов Мартин Маля утверждал, что якобы "левые" советологи, а, с его точки зрения, их подавляющее большинство, были убеждены в том, что советская система стабильна. Здесь я процитирую несколько слов из лондонского журнала "Совет сервэй", редактором которого был ныне покойный Лео Лабедз, известный критик всякого рода "левых": "Десятилетие после смерти Сталина продемонстрировало социально-политическую стабильность советской системы... Система начинает поддерживать саму себя, становясь самодостаточной...". Это было написано в 1963 г. Автором приведенных строк был Збигнев Бжезинский, далеко не апологетически настроенный по отношению к Советскому Союзу.

Следующей причиной нежелания прогнозировать самые радикальные альтернативы было то, что, начиная с середины 60-х годов в социальных и политических науках, включая и советологию, были сформулированы принципиально новые теории, концепции и модели. Я имею в виду теорию модернизации, концепции и политическое поведение групп специфических интересов и т.п. Конечно, это была реакция на недостатки теории тоталитаризма, которая в основном

считала советскую или коммунистическую систему непреходящей. Об этом можно долго говорить, но я хотел бы только подчеркнуть, что хотя реакция на теорию тоталитаризма была, на мой взгляд, правильна, тем не менее очарование новыми теориями было слишком велико и вредило непредвзятому рассмотрению эволюции советской системы.

Не хочу упоминать самые крайние явления, т.е. так называемые ревизионистские теории, которые иногда доходили до абсурда (разные теории о незначительности сталинского террора и о том, что сталинская система реагировала на социальное давление "снизу"). Но должен подчеркнуть, что сторонников подобного направления мысли было не так много. Совершенно очевидно, что ревизионизм, вопреки его критикам (Р.Пайпс и др.), не представлял главного направления американской советологии. Утверждать обратное бессмысленно.

Третья причина отсутствия в советологии радикальных гипотез в отношении развития советского общества носит идеологический характер. Даже самые непредубежденные советологи были уверены в том, что эволюция советского строя определенным образом ограничена. Они считали, что коммунистическая власть может пойти на уступки и далеко идущие компромиссы, но ни в коем случае она не отдаст "командные высоты", т.е. однопартийную систему, через которую осуществлялся политический контроль над обществом. Коммунистическая власть может согласиться на ограничения, например на "однопартийный плюрализм" (что-то вроде народных демократий в Восточной Европе), как один ученый заметил в журнале "Проблемы коммунизма", но никогда она не пойдет на то, чтобы отдать власть.

Я назвал это идеологической причиной, но это также вполне согласуется с утверждениями профессора Даллина, которого я цитировал в начале выступления. Действительно, когда коммунисты в странах Восточной Европы отдали более или менее добровольно власть, такие страны перестали быть в чисто формальном смысле слова коммунистическими.

Однако все, о чем я говорил, не означает, что крайние критики советологии правы. Их критика основана, скорее, на политических мотивах, чем на профессиональных. В последние годы самые воинственные критики советологии, профессор Малия и его сторонники, обвиняли ее представителей в том, что они оправдывали Октябрьскую революцию. 17 лет назад профессор С.Коэн, автор знаменитой биографии Бухарина, обвинил советологов в том, что они приспособили свою научную работу к требованиям эпохи холодной войны.

Конечно, я несколько упрощаю. Думаю, что и у Коэна, и у Малии есть ценные и полезные мысли. Но разрушительная критика советологии просто не соответствует действительности. В моих тезисах для нашей конференции я писал о ее реальных достижениях: огромное число прекрасных подготовленных специалистов, установление профессиональных связей с учеными разных стран, академические обмены, формирование большой научной библиотеки и т.п. В заключение хочу сказать, что советология пережила много разных кризисов, и я надеюсь, что постсоветология тоже справится с подобными кризисами.